

отзыв
официального оппонента на диссертацию
Колиненко Юлии Владиславовны
**«Сербская православная церковь в 1878-1920 гг.: национальная
идеология и политическая практика», представленную на соискание
ученой степени кандидата исторических наук по специальности**
07.00.03 -
всеобщая история (новая и новейшая история)

Политическая и национально-идеологическая деятельность Сербской православной церкви в конце XIX - начале XXв. недостаточно изучена в отечественной историографии. Между тем, выбранный в качестве объекта диссертационного исследования период представляет особый интерес.

В рассматриваемую эпоху Православная церковь, сыгравшая ключевую роль в сохранении этно-культурной идентичности народов Балканского полуострова в эпоху Османского владычества, столкнулась с рядом серьезных вызовов.

Коренные изменения в культуре и народной жизни, происходившие в эпоху национального пробуждения не могли не отразиться и на церковной жизни. В соответствии с идеалами европейского Просвещения, получившими широчайшее распространение на Балканах, Церкви отказывалось вправе быть «властителем дум», а отводилась лишь периферийная роль «доброго самарянина», изливающего бальзам на раны человечества. В качестве служебного орудия Церковь рассматривалась и в сфере национально-идеологической.

По примеру Западной Европы в Сербии и других православных странах произошло подчинение Церкви государству. Обычной практикой

стало требование от клира лояльности светским властям, вмешательство политиков в дела Церкви, принятие антимонашеского законодательства.

Неканоничная система отношений Церкви и государства, подчинявшая все стороны религиозной жизни государственной опеке в сочетании с противоестественным участием церковных деятелей в партийной борьбе способствовала утрате Церковью своего авторитета и вытеснению ее на периферию общественного сознания.

Многие сербы продолжали считать себя христианами, но православие для них было не образом жизни и богооткровенной традицией, а всего лишь нравственной системой, элементом национального фольклора и своеобразия. Процесс дехристианизации затронул широкие народные массы. Даже для многих верующих связь с Церковью сводилась к исполнению «религиозных обязанностей», а не к действительному участию в ее жизни и видении ее как реального богочеловеческого института. Атеистические идеи находили своих сторонников даже среди духовенства.

Новизна проведенного Ю.В. Колиненко исследования заключается в системном и многоплановом анализе идеологической и политической деятельности Сербской церкви в 1878-1920 гг. Избранная автором методика позволила впервые в отечественной историографии проследить в динамике церковно-государственные отношения от Берлинского конгресса до становления Королевства сербов, хорватов и словенцев. Стоит отметить, что этот аспект истории Сербской церкви недостаточно изучен и в сербской историографии (тем более с учетом российских архивных документов).

Оригинальности исследования Ю.В.Колиненко во многом

способствовало глубокое изучение вклада предшественников. Автором была использована обширная литература по теме, в основном на русском и сербском языках.

Несомненным достоинством диссертационного исследования является использование разнообразной источниковой базы. Выводы автора основываются на критическом анализе широкого круга исторических источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. Особый интерес представляют выявленные автором в библиотеках и архивах Сербии документы по истории Сербской церкви. Для решения поставленных задач исследования также были привлечены такие группы источников как законодательные акты, делопроизводственные документы, аналитические записки, дипломатические отчеты, переписка, воспоминания, дневники, церковные и светские периодические издания. Также использованы опубликованные материалы, незаслуженно находившиеся вне поля зрения отечественных (и отчасти сербских) ученых.

Логика исследования определила структуру работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и комплекса приложений.

Во Введении дан детальный анализ историографии, опираясь на который автор формулирует предмет и задачи исследования. Источниковая база диссертации описана на с. 14–18. В целом, в вводном разделе содержатся все позиции, предусмотренные требованиями ВАК.

Основная часть структурирована на главы на основе проблемного принципа. В первой главе анализируется положение Сербской церкви в семье Поместных церквей; во второй – дана общая характеристика взаимоотношениям Церкви, государственной власти и общества; третья

глава посвящена общественному служению сербского духовенства; в четвертой главе нашла отражение общественная дискуссия по вопросу о взаимоотношениях Церкви и государства; заключительная (пятая) глава посвящена Сербской церкви как проводнику национальной идеологии.

В приложении к диссертации представлены переводы архивных и опубликованных источников, касающихся получения Сербской церковью автокефалии в 1879г.

В качестве достоинства диссертации следует отметить ясный стиль изложения материала и четкую структуру, соответствующую поставленным целям и задачам. В результате мы имеем цельное, логично выстроенное исследование, не распадающееся на плохо связанные друг с другом фрагменты. Наглядные таблицы с статистическими данными – еще одно несомненное достоинство работы.

Диссертацию Ю.В. Колиненко отличает широкий исторический контекст – дипломатические перипетии, политическая борьба, межгосударственные конфликты на Балканах и другие факторы, влиявшие на положение Сербской церкви.

К числу сильных мест работы относится всесторонняя характеристика политической деятельности высшего и низшего духовенства, связанной с «партизанщиной» – политической борьбой партий в Сербии. В динамике проанализировано изменение связанного с Церковью законодательства и поэтапное ограничение ее самостоятельности и общественного влияния.

Автору удалось осуществить поэтапную реконструкцию хода переговоров сербского правительства с Вселенским патриархатом о выводе Сербской церкви из его канонической юрисдикции. Значительное

внимание уделено взаимоотношениям Сербской церкви со светскими и духовными властями России, Австро-Венгрии и балканских государств.

Весьма убедительным представляется анализ внутрицерковных конфликтов. В заключительной части исследования предпринята попытка предложить авторскую типологизацию и систематизацию содержания этнополитических и национальных мифов в церковном дискурсе.

В результате проделанной работы удается решить **главную задачу** – реконструировать поэтапное развитие взаимоотношений Церкви и государства. Несмотря на это, анализ содержания диссертации позволяет высказать некоторые пожелания и замечания.

Автор привлекает электронную версию статьи А. Карташева о «Четвертом Вселенском соборе», однако куда уместнее смотрелось бы привлечение общих исследований, затрагивающих различные аспекты церковно-государственных отношений А. Карташева, Г. Острогорского, С. Хоружего, И. Мейендорфа. Использована одна работа на греческом языке, косвенным образом касающаяся рассматриваемой темы, однако (если автор владеет навыками чтения на греческом) уместнее было бы использовать ряд других исследований (например диссертацию З. Кристича «Отношения Сербской церкви и общества», защищенной в 2001 году в Салоникском университете имени Аристотеля на греческом языке).

В изображении Ю.В.Колиненко «симфония властей» приобретает черты универсальной «средневековой доктрины» (с. 19). Стоит констатировать, что относительно того каким образом должны быть выстроены церковно-государственные отношения, в Византии и средневековой Сербии существовали различные мнения. По разному строились и взаимоотношения Церкви и государства.

В изображении автора сербские земли предстают как единое культурное пространство. На наш взгляд, следовало подчеркнуть что из-за политической раздробленности отдельные регионы длительное время находились под различными духовными влияниями. Ближе к югу даже в конце XIX в. ощущалось влияние Святой Горы Афон и средневековых преданий периода правления Неманичей, на севере в большей мере ощущалось общественное и интеллектуальное влияние Запада, в следствии которого происходили значительные изменения во всех областях народной жизни.

Автор практически ничего не говорит о факторе афонского сербского монастыря Хиландар. Не в малой степени с постепенным ослаблением влияния на жизнь Сербской церкви этой обители связаны кризисные явления в религиозной жизни. Если в предшествующие эпохи со Святой Горы поступала святоотеческая литература, теперь ее место заняли светские и даже атеистические произведения.

В диссертации следовало отразить и еще одну причину сербского церковного кризиса. Дефицит святоотеческих писаний на сербском языке сочетался с недоступностью для широких масс переводов Священного Писания. Сербская церковь – единственная из всех Православных церквей, которая и до настоящего времени не имеет своего официально принятого перевода всех Священных Книг, более того, до сих пор нет даже полного перевода всего Священного Писания на народный язык.

Несмотря на то, что тема работы предполагает взгляд на Церковь как на национально-политическую организацию, без обращения к коренным изменениям в ее самосознании невозможно понять ее взаимоотношения с государственными и общественными институтами равно как и поведение

представителей духовенства.

Кризис сербского богословия естественным образом отразился на жизни всей Церкви, вызвал упадок церковного искусства и постепенное угасание народной религиозности. В истории православия такие кризисы случались не впервые: периоды творческого подъема, сменялись долгими не столь плодотворными периодами, когда различные сферы христианской жизни утрачивали живое взаимное единство, а мысль становилась формально-нормативной.

Похожие процессы происходили и в рассматриваемый автором период. На рубеже XVIII – XIX вв. произошел разрыв Сербской церкви с традиционным восточным опытным (исихастским) богословием, на протяжении длительного времени определявшим особенное представление о смысле жизни и церковно-общественном устройстве. Утрата богословско-экзегетической преемственности и единства с исконными православными преданиями стали переломным моментом в истории Церкви и оказали определяющее влияние на духовную и культурную идентичность сербского народа.

Обыденное восприятие Церкви под воздействием множества факторов постепенно менялось – от восприятия ее как сообщества христиан, которое требует совместных религиозных действий для коллективного богообщения (*ἐκκλησία*), до подхода к ней как к месту, где удовлетворяется личная религиозная потребность («храм») самого различного свойства. Наметилась тенденция к смене общинности индивидуальностью, коллектива – личностью. Религия начала переходить в состояние «частного дела каждого» и вся церковная жизнь свелась к механическому исполнению обрядов и таинств (см. с.: 112, 114).

Ю.В. Колиненко справедливо говорит о невозможности «анализировать процессы, происходящие в сербской церкви в строго отведенных рамках 1878-1920 гг.» и даже обращается к «более древним пластам» (с. 11) однако почему-то оставляет в стороне эпоху европейского Просвещения.

Идейная полемика между участниками «филокалического возрождения» и носителями идей Просвещения оказала, пожалуй, определяющее влияние на дальнейший ход истории балканских народов. Споры конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века во многом определили как идеологический и духовный облик, так и политическое устройство новых национальных государств после освобождения от Османского владычества.

В отличии от Греции, где под знаменем борьбы Просвещения и традиционализма прошел весь XIX в., в Сербии сторонники традиционализма оказались вытеснены на периферию общественного сознания. Игумен Кирилл Пейчинович стал последним просветителем «святогорского типа», боровшимся против суеверий с опорой на традиционную мистико-аскетическую восточную богословскую традицию.

Традиционное афонское просветительство было мало похоже на просветительство европейского типа, представителем которого в Сербии был Досифей Обрадович. На наш взгляд, рассказ о фигуре ознаменовавшей собой начало «новой эпохи в истории Сербии» (Kostic M. Dositej Obradovic i istorijskoj perspektive XVIII I XIX veka. Beograd, 1952. P.9) органично вписался бы в рамки настоящего диссертационного исследования.

Именно Обрадович стал основателем первого богословского учебного заведения в Сербии и организатором нового сербского образования на принципах европейской «просвещенности», во многом

определив пути развития нового сербского богословия, культуры, церковного и государственного строительства.

Исходя из идей деизма и рационализма Обрадович нанес удар по всем основам православной веры: страху Божиему и представлению о повсеместном божественном присутствии, посту, чудесам, таинству священства и монашеству. Все это вкупе с предложенными Обрадовичем морализмом и пietизmом в немалой степени способствовало распространению народной нерелигиозности и отрицанию аскетических идеалов (с. 121).

Предпринятая соискателем попытка проследить истоки сербского национализма также едва ли возможна без рассказа об эпохе европейского Просвещения, следствием которой стал феномен «автокефализации». Романтический национализм европейского типа, временами приобретавший мистикоязыческие параметры, постепенно проникал в церковную среду и вытеснял святосавское духовное предание. Идеи «собственного национального превосходства» культивировались в том числе при содействии европейских держав, опасавшихся консолидации балканских православных народов.

Под воздействием просветительских идей эллинизаторская политика Константинопольского патриархата стала полностью сознательной, а автокефалия превратилась в атрибут государственности для новых национальных православных стран. Наметилась тенденция отождествления «поместного» (территориального) и национального принципов в построении церковной жизни. Каноническая самодостаточность стала восприниматься в секулярном смысле: как проявление и обязательный атрибут национальной независимости (с. 18).

В описываемую эпоху у многих балканских христиан произошло изменение экклесиологического сознания. Православие из «Единой, Святой и Апостольской Церкви» задачей которой является консолидация всего человечества независимо от пола и национальности превратилось в государственную религию и элемент националистической идеологии.

Сложно согласиться с утверждением автора, согласно которому автокефализация стала продуктом Османской эпохи. Не столько политика Порты, сколь националистическая идеология европейского Просвещения «способствовала пробуждению этнического и национального самосознания и привела к всплеску этнонационализма» (с. 219).

«Слияние понятия нации и конфессии» (с. 272), также не было последствием политики османских властей, а продуктом византийского содружества наций. Турецкое владычество скорее выступило консервативным фактором, позволившим сохранить существующий *status quo*.

Говоря об общественных настроениях XIX в., следовало подчеркнуть народнический дух, который владел большинством носителей сербской культуры того времени. Еще Досифей Обрадович считал язык мерилом единства народа. У Вука Караджича и Джуро Даничича народ и народный язык понимаются как незыблемая основа и критерий сербства. По словам Джуро Даничича: «государство и вера – распоряжения человеческие, а народность – распоряжение Бога, поэтому человек может переменить державу и веру, но национальность не может и не смеет никогда менять». Таким образом, именно язык и народность, а не православие, постепенно становятся центральной проблемой и мерилом всего в указанную эпоху.

Спорной представляется характеристика народного христианства у

сербов (с. 247). Слабая катехизация населения и распространенность суеверий были в значительной мере продуктом рассматриваемой в диссертации эпохи. В средние века Священное Писание играло у сербов значительную роль, о чем свидетельствует его частое использование ранними сербскими биографами и писателями. Период исихастского расцвета стал временем широкого распространения аскетических идеалов в народной среде и расцвета практического благочестия.

Автор диссертации справедливо отмечает, что «после [Первой Мировой] войны и разрухи церковь отстроилась и морально воспряла духом» (с. 262), однако ничего не говорит о предпосылках подобного возрождения. В тексте работы следовало отметить, что несмотря на преимущественно негативные тенденции в жизни Сербской церкви, сохранились и противоположные факторы, позволившей ей отчасти преодолеть кризисные явления.

Соискатель неоднократно подчеркивает, что «время монашества ушло» (124) и говорит о нем как об «отжившем свой век институте» (129). Подобный подход не объясняет возрождения православного иночества в 20 столетии, одним из следствий которого стал выход из «западного плена» православного богословия и возвращение его на путь традиционного опытного мистико-аскетического дискурса. Ключевую роль на этом пути сыграли Николай Велимирович, Иустин Попович и ряд авторов изданий «Христианская жизнь» и «Христианская мысль». Сербские богословы нового поколения отошли от подходов предшественников и по-новому интерпретировали перспективы церковно-государственных отношений: «Богу Богову, а кесарю кесарево – в этом состоит евангельская основа сосуществования Церкви и государства. Не

сотрудничества, а именно сосуществования».

В отличии от национализма связанного с эпохой Просвещения, «святославский национализм» был преемственен по отношению к византийской вселенскости. Один из его идеологов прп. Иустин (Попович) справедливо указывал на ошибочность пути выбранного Сербской церковью во второй половине XIX столетия: «На своём историческом пути многие Поместные Церкви склонялись под ярмо национализма... Церковь формировалась по отношению к народу, хотя естественным является обратное: народ должен формироваться по отношению к Церкви... Пора нашим отдельным церковным представителям перестать быть исключительно слугами национализма и политики, всё равно какой и чьей».

Перейдем к замечаниям формального характера. Использование прописных и строчных букв при написании церковных терминов лишено какой-либо логики и системности. Приведем несколько показательных примеров: «русская» и «Константинопольская» церкви (7); «Сербская» и «православная» церкви (13); «Великая», «русская», «Константинопольская» церкви (32); «сербская церковь» (58) и «Черногорская церковь» (49); «Архиерейский Собор» (49); «Печская патриархия» (7), «Константинопольский патриархат» (58) и «Константинопольская Патриархия» (51); «Вселенский Патриархат» и «православные поместные церкви» (120); «Господь» (256) и «господь» (191); «Митрополит» (88), «Архиепископ» (193), «Вселенский Патриарх» (51), «рождество богоодицы» (147), «пасха» (42), «рождество» (94), «Видовдан» (94).

Принцип «икономии» некорректно переведен как «оппортунизм»

(56), применительно к Православной церкви ошибочно использовано определение «монашеский орден» (126), пост назван «христианским обрядом» (222), а монашество «второй категорией духовенства» (108). В работе встречаются такие некорректные словоупотребления как «предан схизме», «пребывал под схизмой» (28), «раздавать ореолы святых» (274), «униформа» священников (119), «и.о. митрополита» (167).

Многие сербские термины (в том числе и имеющие аналоги на русском языке) используются в тексте диссертации без необходимого перевода и указания в словаре на стр. 282.: «платить мирию» (32), «увидеть на челе патриархии» (34), «синодская комиссия» (41), «устоличение патриарха» (55, 86), «надлежные епископы» (88), «прописи христианской веры» (161), «экзархийский» (167), «патриархийский» (56), а определение «епархийский» соседствует с русским аналогом «епархиальный» (87, 88).

Высказанные замечания не умаляют научную и практическую значимости исследования. Диссертация Колиненко Юлии Владиславовны выполнена на высоком профессиональном уровне. Полученные в работе выводы, несмотря на свою дискуссионность, обладают научной новизной. Мы имеем дело с оригинальным научным исследованием, основанным на более чем достаточной источниковой базе и включенным в контекст современных исторических исследований.

В представленном соискателем автореферате с надлежащей полнотой изложены основные идеи и выводы диссертации, показаны актуальность темы и вклад автора в ее разработку, а также степень новизны результатов исследования. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Основное содержание диссертации отражено в публикациях автора (в том числе пять - в изданиях, рекомендованных ВАК).

«Сербская православная церковь в 1878-1920 гг.: национальная идеология и политическая практика» полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней №842 от 24.09.2013», а Колиненко Юлия Владиславовна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 - Всеобщая история (новая и новейшая история).

Кандидат исторических наук,
(специальность 07.00.03 - всеобщая история),
доцент кафедры истории Церкви
исторического факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова

Зоитакис! А.Г.Зоитакис

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова», Исторический факультет
119192, г. Москва,
Ломоносовский проспект, д.27, корп.4,
тел. 8 (495) 939-35-66 E-mail: zoaf@yandex.ru

